

БИТВЫ,
ИЗМЕНИВШИЕ
ИСТОРИЮ

Альфред Бёрн

БИТВА ПРИ КРЕСИ

ЦЕНТР ПО ПИ Г Р О

Альфред Бёрн

**Битва при Креси.
История Столетней
войны с 1337 по 1360 год**

«Центрполиграф»

Бёрн А.

Битва при Креси. История Столетней войны с 1337 по 1360 год /
А. Бёрн — «Центрполиграф»,

В книге описывается первый период Столетней войны – война Креси, начавшаяся вторжением Эдуарда III во Францию и закончившаяся заключением мира в Бретины. Альфред Бёрн оценивает ее как самый успешный вооруженный конфликт, в котором Англия когда-либо принимала участие. Он обосновывает утверждение о том, что военное искусство в то время сделало существенный шаг вперед, и рассказывает, как появился третий род войск – артиллерия.

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	9
ГОД 1338-Й	14
СИЛЫ СТОРОН	15
ВООРУЖЕНИЕ И СНАРЯЖЕНИЕ	16
Приложение	17
ФОРМИРОВАНИЕ АРМИИ	17
ОПОЛЧЕНИЕ	18
ОРГАНИЗАЦИЯ И ВООРУЖЕНИЕ	19
ПЕХОТА	20
ТАКТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ	20
СНАРЯЖЕНИЕ	21
ОРУЖИЕ И ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ	21
ПОСТАВКИ И ТРАНСПОРТ	22
Глава 2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Альфред Бёрн
Битва при Креси. История
Столетней войны с 1337 по 1360 год

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Предисловие

Столетняя война, несмотря на свое название¹, не была единой, а состояла из четырех войн, или этапов. Первый этап – Эдуард III вторгся во Францию; второй – из Франции почти полностью изгнаны англичане; на третьем сражался Генрих V; в результате четвертого Англия потеряла все французские территории, за исключением Кале.

В этой книге описана первая война, длившаяся с 1337-го по 1360 г. и кончившаяся заключением мира в Бретињи. Эта война не имела названия, и мне пришлось придумать свое; я остановился на таком, как Война Креси, – оно, по крайней мере, самодостаточно, как и следует любому историческому наименованию: «Креси», само слово, как никакое другое, ассоциируется в общественном сознании с великой войной Эдуарда III во Франции.

Эта война, пусть не выделенная в исторической литературе, имеет все основания занять в ней подобающее место. Только потому, что историки описывали ее с позиций будущего, она оказалась поглощенной той войной, что произошла за ней. Последовавший короткий мир прервался исключительно из-за преждевременной и неожиданной смерти французского короля. Продолжался он девять лет – недолго, но дольше, чем интервал между Войной за австрийское наследство и Семилетней войной.

Остается фактом, что Война Креси имеет свою индивидуальность, последовательность, непрерывность и основную тему, – она-то и дает нам право рассматривать ее как нечто единое. Эта основная тема – продолжавшаяся в течение двадцати одного года борьба за то, чтобы раз и навсегда искоренить первопричину прочной вражды между Англией и Францией, а именно отказ английского короля присягать за свои французские владения. Именно этой целью и в хорошие и в плохие времена руководствовался в своей политике Эдуард III, именно эту цель преследовал – и достиг ее – мир в Бретињи, состоявшийся лишь благодаря самой непрерывной и успешной войне, в которой Англия когда-либо принимала участие.

Англия – молодая, недавно сформировавшаяся нация – не слишком еще окрепла. Главным результатом этой войны и стало укрепление английской нации, а гордость и национальное самосознание ее жителей настолько после нее утвердились, что уже намного позже Жан Фруассар писал: везде, где бы ни встречал он англичан, видел полные гордости лица. Не вдаюсь в обсуждение, положительно или нет отразилось это в итоге на нашем народе; скажу лишь, что уже одно укрепление английской нации – важный результат войны и, если даже нет других оснований выделять Войну Креси из Столетней войны, этого, на мой взгляд, достаточно, чтобы ее не забыть.

Есть и другие причины: для военных и интересующихся военной историей война эта представляет дополнительный интерес, поскольку военное искусство за время ее сделало существенный шаг вперед. На протяжении Столетней войны продолжалось извечное соревнование между пехотой и кавалерией, метательным и личным оружием и появился третий род войск – артиллерия. Тем более удивительно, что ни один военный, француз или англичанин, до настоящего времени не написал историю этой войны. Немногие, очень немногие сражения описывались военными историками, стратегия же практически всегда опускалась гражданскими. Эти ученые мужи только и делали, что спорили друг с другом о недостатке стратегических способностей у Эдуарда III, и вынесли ему приговор очень суровый: «Хороший тактик, он не понимал стратегии». Поскольку я пользовался викторианскими отчетами² об этой кампании (фак-

¹ Оно вошло в оборот только в XIX в.: такое наименование историки дали военно-политическому конфликту между Францией и Англией на протяжении XFV – XV вв.

² То есть сочинениями, написанными о войне в период правления королевы Виктории (1837 – 1901), последней представительницы Ганноверской династии.

тически за прошлую половину столетия ничего об этой войне не написано), то и сам готов был согласиться с таким нелестным для Эдуарда III приговором. Но, глубже изучив предмет, убедился, что способности английского короля недооценены незаслуженно, – мастерство в стратегии он блестяще продемонстрировал в своей последней и очень критикуемой кампании 1359 года.

Так я пришел к выводу, что война Эдуарда III давно нуждается в своем исследователе. Этому королю в исторической литературе уделено почему-то на удивление мало места. Историки не могут простить ему не только подписание мира в Бретињи, но и потерю рассудка в конце жизни. Но что, собственно, это меняет? С другими великими мужами Англии случилось то же самое, например с Малборо. Но какое отношение это имеет к событиям, случившимся тридцатью годами ранее? Конечно, судить Эдуарда III с позиций викторианской этики очень удобно – критериями тут служат, конечно, его характер и поведение. Своими современниками он оценен по достоинству: все встречавшиеся с ним и знавшие его говорили о нем как о великом и талантливом человеке. Противники его по праву писали о нем как о *наиболее мудром военном на всем белом свете*. Одна из целей этой книги – оправдать и дать современную оценку одному из самых великих королей в нашей истории.

Нельзя изучить эту войну без осознания того факта, что Англией в то время управляли могущественные люди – сильные духом и к тому же прирожденные лидеры. Лучше всех сказал о них поэт Генли:

Такое племя людей могучих
Одно встречается на десять...

И все же эти великие имена забыты (даже Шекспир никогда не написал «Жизни короля Эдуарда III»). Поэтому давайте сразу назовем их здесь: Генрих Ланкастер, Нортхемптон, Уорвик, Оксфорд, Солсбери, Стаффорд, лорд Бартоломью, сэр Томас Дагуорт, сэр Уильям Бентли, сэр Джеймс Одли, сэр Роберт Ноллис, сэр Джон Чандос и Черный принц. Только два последних теперь широко известны, хотя никогда еще в истории Англии не принимало участия в сражениях столь доблестное войско. Когда лучшего из них, Генриха Ланкастера, хоронили в коллегиальной церкви в Лестере (его могила до наших дней не сохранилась), даже король приехал отдать ему почести – смерть его рассматривалась как национальное бедствие.

Столетняя война в целом для англичан – книга за семью печатями: никто из английских профессиональных историков, не говоря уже о военных, о войне или об отдельном ее периоде – за исключением битв при Креси, Пуатье и Азенкуре, – практически ничего не написал, несмотря на то что эта война занимает огромное место в нашей истории. С французской стороны тоже никто эту тему не поднимал. Правда, недавно во Франции вышла в свет книга Эдуара Перуа, однотомная история войны под названием «Столетняя война», – труд по-своему блестящий, особенно учитывая, в какое время он написан; но автор не военный, и война дается главным образом в ее политическом аспекте. Все же именно появление в 1946 году в Париже этой книги вдохновило меня заняться изучением Столетней войны с военной точки зрения.

* * *

Реконструкция истории всегда носит в значительной степени предположительный характер, – к военной истории это относится более, чем к любой другой отрасли исторической науки. Поэтому необходимо ясное понимание: какое бы событие ни описывалось в этой книге, тут непременно присутствует элемент предположения: «кажется, что», «по всей вероятности», «очевиден тот факт, что» и т. п. Когда меня одолевали сомнения и трудности относительно какой-то проблемы, я обращался к тесту, который назвал «Неотъемлемой военной вероятностью», и то, что он выдавал, использовал в своей книге. Все военные историки до некоторой степени делают то же (потому что им приходится это делать), но не все в том признаются.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, и я не стал перегружать ее пространными примечаниями и ссылками и своими рассуждениями по спорным вопросам³.

Для тех, кто желает разобраться в вопросах посложнее, в конце каждой главы есть приложения, где читатель найдет использованные автором основные источники и его точку зрения по поводу спорных деталей. Тот, кто прочитает книгу как простой и доступный рассказ, приложение опустит.

Политические аспекты освещены ограниченно – необходимый минимум, в первую очередь, чтобы оставить больше места для описания военных действий. Это не означает, что полностью опущена политическая подоплека войны, например, мы непременно упомянем о нехватке денег по окончании военных действий, но при этом не станем объяснять причины этой нехватки или рассказывать о методах, направленных на ее искоренение; конечно же речь пойдет о силе армий, но не о том, как они пополнялись (об этом коротко в прил. к гл. 1).

За помощь в освещении политической стороны темы благодарю профессора Лайонела Батлера из Оксфорда и м-ра Робина Джеффса из оксфордского Тринити-колледжа: внимательно прочитав рукопись, они указали на неточности и ошибки и предупредили о возможных западнях. За изложение военных событий не имею чести – по причине, указанной выше, – кого-либо благодарить.

Альфред Г. Бёрн

³ В подстрочных примечаниях толкуется лишь наиболее, на мой взгляд, важное. (*Здесь и далее цифрами обозначены примечания автора.*)

Глава 1

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Семена Столетней войны посеяны еще в 1152 году, когда Генрих Плантагенет, граф Анжу, женился на Элеоноре, бывшей жене Людовика VII Французского и наследнице герцогства Аквитания⁴. Два года спустя Генрих вззошел на английский и нормандский престолы, таким образом завладев всей Западной Францией от Ла-Манша до Пиренеев. Господин всей этой обширной области, доброй половины Франции, он, несмотря на это, номинальный вассал короля французского – положение неестественное: король остается вассалом другого короля⁵.

Что еще хуже, очень часто вассал сильнее своего сюзерена. Неудивительно поэтому, что в течение последующих трехсот лет все английские короли воевали со своими французскими оппонентами.

Ситуация осложнялась и тем, что в 1259 году Парижский договор, установив многочисленные нормы и приняв новые постановления, вновь подтвердил вассальный статус английских доминионов во Франции⁶. Ни один король Франции не смирился с тем, что другой король занимает огромную часть земли Франции, и ни один король Англии – с тем, что должен присягать другому монарху, которого расценивает как равного себе. Все усугубилось, когда обе королевские династии породнились⁷. Парижский договор породил так много неразберихи и конфликтов, что некоторые историки окрестили последующие восемьдесят лет Первой Столетней войной.

Эдуард III в 1327 году, в возрасте 14 лет, занял трон своего несчастного отца, Эдуарда II⁸. Рожденный матерью-француженкой, печально известной Изабеллой, он был воспитан в атмосфере традиционной вражды к Франции; ему постоянно рассказывали истории о французской дерзости и предательстве, и он сильно страдал от того, что ему приходится унижаться, отдавая дань почтения противнику. Семена войны укрепились прочно, – почти чудо, если бы на протяжении его правления удалось сохранить мир. Других причин, кроме раздоров из-за герцогства Аквитанского, кажется, и не стоит приводить, чтобы объяснить конфликт, продлившийся более ста лет.

⁴ Аквитания, или Гиень (в Англии ее называли Гасконью), – область в юго-западной части Франции; начиналась севернее нижнего течения Дордони и доходила на юге до Пиренеев; с запада на восток простиралась от побережья Бискайского залива до среднего течения Гаронны. Бёрн не совсем верно говорит, что семена войны Англия посеяла приобретением Аквитании; кроме этой территории, она уже владела на континенте обширными областями: Нормандией, Анжу, Туренью и Меном. Скорее всего, это произошло потому, что в 1066 г. Англию покорил Вильгельм Завоеватель. Заняв английский престол, он остался и герцогом Нормандским. Именно с этого момента начинается длительный конфликт между Францией, стремившейся вытеснить с континента своего северного соседа, и Англией, которая желала распространить свое влияние на все большую территорию на том же континенте.

⁵ Английским королям за свои континентальные владения приходилось присягать французским королям, поскольку, как герцоги Нормандские, они были их вассалами.

⁶ По этому договору к Англии перешел ряд стратегически важных областей (Лимузен, Перигор, Креси), присоединяющихся к английской Гасконии; кроме того, английскому королю выплачивалась значительная денежная сумма на содержание небольшой армии. Но взамен Англия теряла все свои номинальные права на Нормандию, Анжу, Мен, Турень и Пуату (области, потерянные ею еще в начале XIII в., но номинально остававшиеся под ее управлением). А еще английские короли за свои юго-западные владения (Аквитанию) приносили королю Франции оммаж (признание сюзеренитета), поскольку по договору становились герцогами Аквитанскими и пэрами Франции, а значит, вассалами французской короны.

⁷ В 1314 г. дочь французского короля Филиппа IV Красивого вышла замуж за английского короля Эдуарда II; их сын – Эдуард III.

⁸ Жена Эдуарда Изабелла, Французская Волчица, опираясь на помощь большинства баронов, епископов и даже братьев короля, произвела переворот и посадила на трон своего сына. Эдуард II, заключенный в замок Беркли, после восьми месяцев ужасных пыток скончался в 1327 г.

Но войны редко начинаются по какой-то одной причине. Как и многие события в жизни, они результат нескольких причин или факторов. В данном случае причин, второстепенных или предрасполагающих, по крайней мере три: торговля шерстью с Фландрией, отношения между Францией и Шотландией и наследование французского трона.

Графство Фландрия, занимавшее (приблизительно) области между морем и Нижней Шельдой, – феодальное владение французской короны. Графу Фландрии полагалось присягать королю Франции за свои владения, точно так же, как английскому королю – за свои французские, но, в отличие от Эдуарда, он в дружественных отношениях со своим сюзереном. Фламандские купцы и низшие классы благопривно расположены к Англии, так как между этими двумя странами установились тесные торговые связи. Английские овцы обеспечили шерстью ткацкие фабрики Фландрии; без этой шерсти ремесленники Фландрии голодали бы, как и ланкаширские сукноделы во время американской Гражданской войны, когда американский хлопок был для них недоступен. Большие ткацкие города давно поняли, что их истинные интересы требуют союза с Англией, и обратились к Эдуарду с просьбой помочь им избавиться от требований и грубого обращения с ними их графа и сюзерена. С этого начиналась долгая эра тесного союза и дружбы между Англией и Нидерландами.

Отношения между Англией и Шотландией, неблагоприятные в течение полувека, обречены оставаться таковыми еще ближайшие сто лет.

Молодой Эдуард в начале своего правления имел одну цель: вновь обрести господство над всей Шотландией, установленное его дедом, Эдуардом I, и дать острову Великобритании единственное правительство. Когда он вторгся в Шотландию – полный успех, казалось, не за горами, – французский король Филипп VI дважды своей дипломатией вмешался в его дела и тайно помогал северной стране всеми возможными средствами. Так и у английского короля, и у его парламента возникло глубокое чувство подозрения и недоверия к французскому королю и стала стремительно расти уверенность, что война между двумя странами неизбежна. Подозревали они Филиппа не совсем обоснованно, но это, кажется, меньше всего волновало английского короля, – предпосылки для начала войны появились.

Третьей предрасполагающей причиной войны стал спор о наследовании французской короны после смерти в 1328 году последнего из Капетингов – Карла IV. Когда в 1314 году Филипп IV Красивый умер, остался его младший брат, Карл Валуа, три сына и одна дочь. Каждый из сыновей последовательно носил корону, но ни один не имел мужского потомства. По смерти третьего из них французские бароны выбрали на трон старшего сына Карла Валуа, Филиппа, лишив, таким образом, короны Изабеллу, сестру последнего короля из династии Капетингов⁹.

Совершенно ясно, почему Изабелла должна лишиться короны: во-первых, в истории уже существовали два прецедента¹⁰, а во-вторых, женщина никогда до того не становилась правительницей Франции. Но Изабелла имела сына, который приходился племянником последним Капетингам, а племянник все-таки роднее, чем кузен¹¹.

Хотя сын Изабеллы жил в Англии, некоторые французы считали его единственным законным наследником французской короны. Так почему же он был лишен французского трона? Ответ на этот вопрос для многих французов очевиден: сын Изабеллы рожден и вырос за границей, а кроме того, он еще и английский король Эдуард III, – это легко объясняет выбор баронами Филиппа. Решение вполне естественное – в Англии в то время видели только сопер-

⁹ После Филиппа FV последовательно царствовали его сыновья: Людовик X (1314-1316), Филипп V (1316-1322), Карл IV (1322-1328).

¹⁰ После смерти Людовика X и Филиппа V их дочери претендовали на французский престол, но им отказали.

¹¹ «Племянник последних королей и их родственник в третьей степени Эдуард III роднее им, чем граф Валуа, который приходился им только двоюродным братом и, следовательно, родственником в четвертой степени» (*Перуа Э.* Столетняя война. 1945. С. 54).

ницу, точно так же, как англичане видели соперника в Филиппе II Испанском, когда он сделался королем Английским, женившись на Марии Тюдор.

Воцарение Филиппа VI все вначале восприняли как законное, даже Эдуард III отправился во Францию присягать новому французскому королю, признав его, таким образом, своим сюзереном. Правда, присягал он иначе, чем его предшественники, что и стало позже предметом спора, но нет никаких свидетельств, что он в то время жаждал французского трона, – Шотландия гораздо ближе его сердцу. Даже когда он в конечном счете порвал отношения с Францией, то официально не выдвинул требования получить французскую корону. Война началась за два года до того, как он официально ее объявил, и то только из-за просьбы фламандцев, которых он давно пытался склонить к союзу против Франции.

Итак, звучащее во многих исторических книгах утверждение, что Эдуард III начал войну из-за французской короны, не совсем корректно. Неразбериху в этот вопрос добавил и Салический закон¹².

Многие утверждают, что этот закон не дал Изабелле или ее сыну занять французский трон. Правда, однако, заключается в том, что закон этот даже не упоминался в то время французскими юристами и впервые всплыл на поверхность более чем тридцать лет спустя. Единственное законное основание отказать Эдуарду III в праве на французский трон – что он иностранец.

В любом случае это мудрое решение. Наследование короны женщинами всегда в европейской истории оборачивалось трагедией. Мы знаем, насколько пагубные последствия повлек за собой брак Элеоноры Аквитанской с Генрихом Плантагенетом; неудачным оказался и брак другой французской принцессы, Изабеллы, с Эдуардом II.

* * *

Хотя династических разногласий вполне хватало для начала войны, Первой Столетней войны, один из главных мотивов, к ней побудивших и ее ускоривших, – то, что Аквитания являлась феодальным владением французской короны. А если припомнить и другие разногласия между Англией и Францией (о них упомянуто выше), станет очевидно, что война стала не только естественна, но фактически неизбежна.

* * *

Перейдем теперь от основных причин конфликта к событиям, ставшим поворотным пунктом во взаимоотношениях двух стран. Первой нарушила равновесие Франция. Весной 1336 года, когда Эдуард, казалось, выиграл войну с Шотландией, Филипп приказал своему флоту выйти из Средиземного моря и войти в демонстративных целях в порты Нормандии. И Эдуард, и его парламент расценили это как угрозу вторжения в Англию, что с их стороны вполне обоснованно, так как другое объяснение действиям французского короля трудно найти. И тогда они, посчитав, что война рано или поздно обязательно начнется, решили к ней подготовиться. На войну выделили необходимые средства, в Гасконь послали деньги и военное снаряжение, к южному побережью Англии выдвинули войска и военно-морской флот.

После этого уже для всех стало очевидно, что столкновение неизбежно, и лишь папа римский Бенедикт XII пытался его предотвратить. Англичане не верили Бенедикту, для них он прежде всего француз, а уж потом папа римский, хотя они не имели оснований утверждать, что папа преследует корыстные интересы¹³.

Теперь, когда война не за горами, обе стороны начали искать себе союзников в предстоящей борьбе. Первой нашла союзника Англия, и появился он совершенно для нее неожиданно.

¹² Салический закон, или Салическая правда, – свод законов обычного права, записанный германцами в V – VI вв. Согласно ему наследование земли шло только по мужской линии.

¹³ В период с 1305-го по 1378 г. резиденция пап римских – город Авиньон (юго-восток Франции). В истории этот период получил название Авиньонское пленение пап, поскольку во многом папам приходилось действовать по указке французских королей.

Роберт Артуа¹⁴, лишенный во Франции прав на свое графство, в конце 1336 года попросил убежища у английского короля. Получив оное, стал настойчиво убеждать Эдуарда III требовать французскую корону, обещая ему свою личную поддержку в войне с ненавидимым им сюзереном.

Прежде чем мы начнем рассказывать, как Эдуард искал себе союзников, давайте рассмотрим Нидерланды, поскольку естественно, что именно с этой страной связывал он в первую очередь свои главные планы. На территории современного государства Бельгия, в то время не единого, находилось три провинции: Фландрия, Брабант и Геннегау (Эно). Фландрия, – как мы уже видели, феодальное владение Франции, – занимала побережье от устья Шельды к Дюнкерку; южная ее граница тянулась по Шельде почти до Камбре; Брабант простирался от Антверпена до Монса и Намюра; Геннегау формировал своего рода буферное государство между Брабантом и Францией; Брабант, Геннегау – провинции Германской империи. Граница французских владений, как и сегодня, достигала Турне и шла далее вдоль Верхней Шельды (в современном французском языке – Эско). Графство Артуа, как и поныне, располагалось вокруг своей столицы Арраса.

Естественно (об этом уже говорилось), что первое государство, к которому обратился английский король с предложением союза, – Нидерланды: оно самое близкое территориально, имеет с Англией общие интересы; между двумя странами давно существуют тесные дружественные и торговые отношения, а через жену, Филиппу Геннегаускую, у Эдуарда III там множество родственных связей. Для Англии Нидерланды имели прежде всего стратегическое значение: отсюда легче всего вторгнуться во Францию. Гасконь, английское владение, хотя и на территории противника, очень далека от берегов туманного Альбиона. Требовались недели, чтобы доставить туда войска или военное снаряжение, а Нидерландов английские суда благодаря преобладающему западному ветру достигали самое большее за несколько дней. Кроме того, дорога до Парижа, французской столицы, намного короче из Нидерландов, чем из Гаскони. Эдуард ясно видел (как и герцог Малборо четырьмя столетиями спустя), что угроза столице из Нидерландов – самый эффективный способ вести войну с Францией. Эдуард защищал Гасконь на равнинах Фландрии, как Питт четыре столетия спустя «захватил Канаду на равнинах Германии».

Из трех провинций, составляющих Нидерланды, наиболее приемлема в качестве союзника Фландрия. Ближе всего от Британии, по морю ее можно беспрепятственно достичь; к тому же традиционный друг Англии и имеет с ней общие коммерческие и торговые интересы. Если бы вопрос об участии в войне против Франции решали члены городских парламентов, то непременно согласились бы. Но, к сожалению, граф Фландрии Людовик Невер – француз, и, хотя ему крайне несимпатичен Филипп VI, он все же побаивается его и не осмеливается рискнуть на открытое восстание против своего сюзерена. Именно поэтому Фландрия и не удовлетворила просьбы Эдуарда о союзе, на что английский король ответил прекращением поставок английской шерсти в фламандские города. Фландрия отказалась от союза с Англией – выиграли другие части Нидерландов, особенно Брабант и голландские области. Потеряли, отказавшись от союза, Ипр и Гент – приобрели Брюссель и Амстердам. Благодаря в основном своим щедрым пожалованиям Эдуард создал внушительный союз, включающий Брабант, Геннегау и множество городов и округов. В противовес этому король Франции – кроме союза с Шот-

¹⁴ Роберт III (1287 – 1343) – сын Филиппа Артуа и внук Роберта II Артуа; граф Бомон ле Роже, сеньор Конша (с 1309 г.); женат на Жанне Валуа, дочери Карла Валуа; пэр Франции с 1328 г. Подозреваемый в покушении на убийство короля Филиппа Валуа, лишен своего графства и изгнан из него в 1332 г. После этого находился при дворе английского монарха Эдуарда III, которого, стараясь сделать все возможное для разжигания войны против Франции, уговорил принять титул короля Французского. Посланный в Бретань во главе 10-тысячного войска, в 1342 г. безуспешно атаковал Сент-Омер, в следующем году овладел городом Ванн, но разбит Жаком Бурбоном и тяжело ранен. Вернувшись в Лондон, вскоре умер.

ландией – имел лишь немногих союзников в лице своих вассалов, да и из них не все рвались сражаться за своего сюзерена.

Кроме того, герцогство Бретань испытывало огромное желание присоединиться к Англии, а император Людовик Баварский, женатый на невестке короля, летом 1337 года подписал с Эдуардом наступательный и оборонительный союз.

Филипп 24 мая 1337 года предпринял решительный шаг: торжественно конфисковал все территории своего английского вассала. Именно с этой даты, считает один современный французский историк¹⁵, следует отсчитывать начало войны. Решив сразу же взять быка за рога и не дать противнику опомниться, французские войска, располагавшиеся на границе, вторглись в Гасконь, а французский флот напал на остров Джерси, после чего отправился с этой же целью к Портсмуту и южному побережью. Война началась!

Эдуард III ответил на действия французов в октябре, обратившись к Филиппу в послании просто по имени и подписавшись: «Король Франции». Он заявил, что и раньше был истинным властелином французских земель, хотя и не провозглашал своих прав на престол – почти два года не требовал французской короны.

Английский король всегда подкреплял свои слова делом: в ноябре он послал небольшую экспедицию во главе с сэром Уолтером Мэнни¹⁶ (соотечественником своей жены – королевы) совершить набег на фламандский остров Кадзанд. Это предприятие кончилось успешно, в значительной степени благодаря действиям лучников – под их заградительным огнем удалось высадиться пехоте. У англичан тогда главную роль играло такое формирование (позже получит повсеместное распространение): тяжеловооруженные воины выстраиваются в линию, а по бокам, подобно двум бастионам, их окаймляют лучники¹⁷.

В течение всего этого времени папа римский стремился предотвратить конфликт, но не доверял никакой из сторон. Все, чего он успел добиться, – отсрочить начало войны на шесть месяцев; летом 1338 года снова начались военно-морские действия в Ла-Манше и французский флот снова заявил о себе на южном побережье Гемпшира, сжег Портсмут и некоторые другие города.

Тем временем Эдуард продолжал готовиться к высадке на континент. В путь он отправился из Оруэлла 12 июля 1338 года, вместе со значительным флотом и армией, на своем флагманском судне «Кристофер», о котором мы в дальнейшем еще не раз услышим.

¹⁵ А именно Эдуард Перуа (в своей «Столетней войне»).

¹⁶ Уолтер де Мэнни (? – 1372) – один из лучших командиров Эдуарда III. Уроженец Хайнота (Голландия); прибыл в Англию с королевой Филиппой. Впервые проявил себя в боях с Шотландией; принимал участие в бое при Слейсе (1340); послан в Бретань (1342) на помощь графине де Монфор – для борьбы против Карла Блуаского. Принимал участие в осаде Кале (1346 – 1347), осаде Бервика (1355), в последней крупной кампании Эдуарда III во Франции (1359 – 1360). Одно из главных лиц на переговорах по заключению мира в Бретины (1360); кавалер ордена Подвязки (1359); член парламента (1345).

¹⁷ Фламандский гарнизон острова Кадзанд (Зеландия, в устье Шельды) остался верен своему сюзерену, графу Фландрскому, союзнику Филиппа VI; англичане – около 500 латников и 2 тысячи лучников – атаковали его с моря. Командовали атакой граф Дерби, граф Суффолк (Роберт де Уффорд) и сэр Уолтер Мэнни. У фламандцев было около 5 тысяч человек; ими командовал бастард Ги Фландрский, брат графа Людовика Фландрского. Фламандцы выстроились на дамбах и песчаных пляжах вдоль берега, но их вытеснили оттуда английские лучники, прикрывавшие высадку кораблей. Затем Дерби построил в линию своих тяжеловооруженных воинов, а по бокам установил лучников. Английские лучники, стрелявшие намного эффективнее фламандцев, которые пользовались арбалетами, понесли серьезные потери еще до рукопашной схватки. Спротивление защитников было сломлено, и фламандцы обратились в бегство, преследуемые по улицам и домам города победителями. Последних защитников пришлось выкуривать из церкви, где они укрылись. Как сообщают, фламандцы потеряли якобы более 3 – 4 тысяч погибшими, включая всех своих командиров (Ги Фландрский попал в плен) и еще примерно 26 рыцарей и оруженосцев. Но в стратегическом плане эта стычка не имела никакого значения, поскольку, разграбив город, англичане вернулись в Англию.

ГОД 1338-Й

Когда Эдуард III Английский 22 июля 1338 года торжественно высадился в Антверпене, его первая задача состояла в том, чтобы закрепить свой великий союз против Франции. До того времени он не имел никакого практического опыта сотрудничества с союзниками. Чтобы добиться желаемого, 26-летнему королю пришлось напрячь все силы, набраться терпения и показать все свои таланты. Но его союзники не слишком желали идти на поводу у своего нового гостя; несколько месяцев колебались и медлили, отчего никаких действий со стороны Эдуарда и не предпринималось.

Кроме подчинения Нидерландов своей политике, Эдуарду предстояло встретиться с императором. Людовик Баварский, император Священной Римской империи (некоторое время называлась просто Германской империей или даже Германией), прибыл в Кобленц, расположенный на Среднем Рейне и находящийся в 160 милях от Антверпена. После тщательных приготовлений король Англии отправился с огромной свитой и достиг Кельна 23 августа. Здесь его приняли с восторгом, который еще более усилился, когда он внес щедрый вклад в строительство большого нового собора, тогда еще только начинавшего строиться. Из Кельна переехал в Бонн, где его снова восторженно встречали; отсюда водным путем добрался до Кобленца, приветствуемый толпой везде, куда ни заезжал. Такого приема не удостаивались даже немецкие императоры; скажем с уверенностью: то, как его встречали в Германии, говорило ему: в начале дела его непременно ждет успех.

Когда король 31 августа достиг Кобленца, казалось, что все население собралось встретить его. Кортёж императора, еще больший и более великолепный, чем у короля, включал всех имперских князей. Несколько дней обе стороны готовились; встреча двух глав государств состоялась на рынке, где для них подготовили два трона; император восседал с короной, державой и скипетром. Рынок заполнила огромная толпа; среди нее – свыше 17 тысяч знатных господ Западной Европы со своей свитой, – никто не вспомнил бы подобной сцены, с ее роскошью и великолепием. Император начал слушания, объявив, что Филипп Валуа лишается защиты империи из-за своего вероломства. Затем даровал английскому королю золотой жезл, символизирующий назначение его викарием империи, или вице-правителем Западной Европы. После этого Эдуард объявил, что Филипп узурпировал французскую корону, которая по справедливости принадлежит ему. Внушительная церемония прошла без единой помехи, и на следующий день знать империи присягнула Эдуарду III как своему правителю на последующие семь лет. Все договоренности между союзниками достигнуты, – по старинной английской поговорке: «все веселы, как свадебный колокольчик».

Сезон для начала кампании в этом году уже упущен, и потому Эдуард попросил князей помочь ему на следующий год, в июле, возвратить Камбре, который по праву принадлежит империи¹⁸. Со стороны правителя это мудрое решение, поскольку не обязывает его вторгаться во Францию, что удовлетворяло и многих князей. Поэтому Эдуард вернулся в Антверпен, где, к всеобщему удивлению, провел зиму, вместо того чтобы возвратиться домой. Подводя итог его годичному пребыванию на континенте, скажем уверенно, что он создал великий союз, если его можно так назвать, почти такой же мощный, как знаменитый Великий союз герцога Малборо. Хотя в июле определенно поздно начинать военную кампанию, в успехе никто не сомневался. Перед тем как перейти к описанию первой кампании Эдуарда в Нидерландах, кратко оценим силы и характер соперников.

¹⁸ Камбре, не представляющий интереса для английского короля, важен для его союзника – Священной Римской империи. Город формально входил в состав Германской империи, но его правитель – епископ давно придерживался профранцузской ориентации и в 1337 г. после секретных переговоров продал свои владения французскому королю Филиппу VI Валуа. Это вызвало ярость германского императора, вступившего в союз с Эдуардом III.

СИЛЫ СТОРОН

Количество и качество союзников той или иной стороны время от времени менялось; тем не менее можно с уверенностью говорить о характерных чертах противников, так как в течение войны они, не считая союзников, практически не изменились.

Население Англии составляло 3 – 4 миллиона; Франции – более 10 миллионов. Таким образом, получается, что французские вооруженные силы численно превосходят английские в три-четыре раза. Но на деле это обстояло не так, и причиной тому два обстоятельства. Английские методы вербовки намного лучше развиты, чем французские; к тому же Англия время от времени имела под своими знаменами валлийские и ирландские войска. Под французским командованием сражалась только небольшая часть ирландцев, и то не самая лучшая.

Говоря о количестве солдат, участвующих в больших сражениях, надо учитывать, что можно довольно точно дать оценку относительно англичан, но не французов, которые не записывали в официальных документах точных цифр. Мы описываем здесь прежде всего военную историю и потому не затрагиваем формирования и устройства армий, а рассматриваем в первую очередь, как эти армии сражались. Однако в приложении к этой главе вкратце изложим сущность вопроса. По устройству армии Эдуарда можно понять, что представляли собой армии в его эпоху.

Старая английская армия, унаследованная Эдуардом, состояла из двух частей: феодального войска и национального ополчения. При феодальном строе обязанность баронов – поставлять королю определенное количество вооруженных солдат¹⁹. Но упадок феодализма, начавшийся в царствование Эдуарда III, привел к тому, что старое феодальное войско постепенно заменилось профессиональными солдатами, получавшими за службу денежное вознаграждение.

В национальное ополчение специальные уполномоченные набирали в каждом графстве здоровых мужчин от 16 до 60 лет. Состояло оно из легкой кавалерии, или конных копьеносцев (позднее представителей этого рода войск называли драгунами), и пехотинцев, которые подразделялись на лучников и копьеносцев (позже алебардщиков). Кроме того, в английскую армию брали иностранных наемников и валлийских копьеносцев (длинными луками пользовались в то время исключительно англичане).

Французская система набора и организации армии почти такая же, как у англичан: ядро армии состояло из феодального войска, а остальную часть формировало национальное ополчение с очень разношерстным составом – набор проводился очень неопределенно. Вообще говоря, французские рыцари обычно рассчитывали выигрывать сражения без помощи простолюдинов.

Но феодальные отряды обязаны сражаться за пределами своих владений только в течение сорока дней. Чтобы побудить их остаться при армии на более длительный срок, им необходимо платить, но королевское казначейство обычно почти пустое, а число рыцарей, которым выделялись средства, очень ограничено. И все же французская армия всегда превосходила по численности своего английского противника. Как и англичане, французы иногда принимали на службу наемников – в большинстве случаев генуэзских арбалетчиков.

¹⁹ Французы также имели подобное феодальное войско, теоретически каждый рыцарь должен служить; на практике получалось, что не более одной десятой вассалов находилось под знаменами французского короля.

ВООРУЖЕНИЕ И СНАРЯЖЕНИЕ

Вооружение и снаряжение в этих двух армиях практически одинаковы. Рыцари и кавалерия вооружены копьем, мечом, кинжалом, иногда булавой; в основном носили кольчугу, но постепенно в течение Столетней войны сменили ее на латы; боевые доспехи дополнялись шлемом, щитом и шпорами. Общепринято в то время каждому рыцарю держать при себе нескольких вооруженных слуг, обычно трех: двух лучников и одного меченосца, вместе составлявших «копье». Таким образом, когда упоминается о количестве участвовавших в битвах копий, нужно увеличить его примерно в четыре раза.

Английский лучник, и конный, и пеший, всегда носил с собой большой лук, меч и обычно кинжал. Из длинного лука можно в минуту произвести шесть выстрелов, стрельба эффективна на расстоянии 250 ярдов, а вообще предел досягаемости этого оружия приблизительно 350 ярдов²⁰.

Французские лучники вооружены арбалетом. Оружие это более мощное, чем большой лук, но имеет по сравнению с ним один очень важный недостаток: чтобы зарядить и выстрелить, арбалетчик затрачивает в четыре раза больше времени, чем лучник. Кроме того, из арбалета сложнее попасть в цель и у него малая дальность стрельбы.

Хотя обе армии устроены и вооружены практически одинаково, они резко отличались по своей эффективности. Опыт французских вооруженных сил ограничен случайными столкновениями со своими вассалами, особенно в Гаскони; английская армия ко времени начала боевых действий помнила еще свои успехи в шотландских кампаниях. Эти успехи навсегда вычеркнули из памяти позор Баннокберна²¹ и стали в один ряд с победами Эдуарда I, – не зря его называли Сокрушителем Скóтов. Эдуард III добавил ко всем этим преимуществам английской армии контрактную систему, пополнив свои вооруженные силы профессиональными солдатами, прекрасно обученными и дисциплинированными. Ничего подобного на континенте в то время не существовало, – ситуация схожа с той, когда британские экспедиционные силы высадились во Франции в 1914 году.

Что касается третьего рода войск – артиллерии, – нет ни одного достоверного свидетельства, что он находился на английских судах во время сражения при Слейсе в 1340 году; очень сомнительно и что Эдуард имел его во время путешествия во Фландрию. Французы в 1340 году, при осаде Турне, использовали пушки; однако первым настоящим участием артиллерии в сражении можно назвать битву при Креси, состоявшуюся шестью годами позднее. До того дня этот род войск отсутствовал.

О флотах скажем лишь главное. Каждая страна имела небольшое ядро королевских военных кораблей, – точное число нам по сей день неизвестно. Большая часть флота собрана простой реквизицией судов, по несколько от каждого порта. Эдуард III, одержимый идеей создать великий флот, чтобы подавить действия противника, даже отправился в далекий порт Байонна требовать необходимые ему суда. Французы имели, кроме того, большое число галер, все время поступающих из Средиземноморья.

Война на море находилась, однако, в зачаточной стадии развития, единственной ее целью было приблизить войну на суше.

²⁰ Ярд – английская мера длины (равна 0,9144 м).

²¹ В 1314 г. шотландцы наголову разгромили английскую армию при Баннокберне; в сражении погибла или взята в плен почти вся английская армия.

Приложение АРМИЯ ЭДУАРДА III

ФОРМИРОВАНИЕ АРМИИ

Со времени нормандского завоевания до начала правления Эдуарда I средневековая армия состояла из двух частей: национального ополчения («фирд») и феодального войска. В первое призывался каждый здоровый мужчина в возрасте от 16 до 60 лет; военным снаряжением обеспечивал себя за свой счет²². Феодальное войско появилось при Вильгельме I, после того как он раздал земли своим баронам – в обмен они обязаны служить ему со своими вассалами и слугами, – такие земли назывались феодальными владениями короны, или феодами. Главные арендаторы могли пожаловать свои земельные лены другим субарендаторам; те, таким образом, служили прежде всего своему феодалу, а уж затем королю. Размер военных контингентов, которые предоставлял каждый лорд, различен. Впоследствии арендаторам вместо военной службы разрешили при определенных условиях платить в королевскую казну «скутагий»²³.

Такова вкратце военная система в начале правления Эдуарда I. Шестьдесят пять лет спустя, когда внук его начал первую кампанию Столетней войны, ситуация сложилась совсем иная. Армия уже состояла из сверхсрочных профессиональных добровольцев и базировалась на контрактной системе, введенной самим Эдуардом III. Объяснением этого поразительного изменения послужил кризис феодальной системы, которая давала сбои, в первую очередь сказывавшиеся на армии. Причины упадка феодализма кроются прежде всего в экономике, но армия в этом кризисе играет отнюдь не последнюю роль. Одна из главных предпосылок поражения феодальной системы – она уже не снабжает короля необходимым количеством солдат; вот пример: в 1277 году на королевское требование явиться на службу ответили только 375 рыцарей из общего количества (рассчитано д-ром Дж.Э. Моррисом)²⁴ 7 тысяч. Таким образом, реально на службе у короля находилось в 18 раз меньше солдат, чем полагалось по закону.

Эдуард I, когда пришел к власти, сразу принял меры, чтобы ослабить этот недостаток феодальной системы, начав выплачивать жалованье за службу (но только коннице). «Ключом успеха стали систематические выплаты. Наемный эскадрон во главе с профессиональным капитаном действовал намного эффективнее, чем недисциплинированное феодальное войско». Самый первый случай использования военных контрактов относится к 1277 году. Такие контракты заключались и позже, но в основном устные; как нам известно, такая система просуществовала до 1338 года. Первая трещина в старой феодальной системе появилась, и Эдуард III расширил ее, но постепенно. В своей первой кампании против шотландцев он полагался главным образом на завербованное национальное ополчение. Под его началом встало на борьбу с неприятелем почти все население; но результаты оказались настолько неутешительными, что он обратился к вербовке солдат посредством контракта (что использовал еще его дедушка). В своем военном реформировании он пошел, однако, дальше, чем его предшественник: утвердил систему письменного контракта и постепенно ввел ее повсеместно во всей армии, пока боль-

²² Согласно Винчестерскому статуту 1285 г. (последнее переизд. в 1442 г.), каждый свободный человек в Англии в возрасте от 15 до 60 лет обеспечивал себя оружием согласно стоимости своих земель и движимого имущества. С 40 фунтов дохода он нес службу в качестве рыцаря; с 20 фунтов – как тяжеловооруженный всадник (носил латы). Имевший доход 15 фунтов служил всадником в кольчуге – легкая кавалерия (конная пехота), или хобилар; имевший доход 10 фунтов – пехотинец; 2 – 5 фунтов – лучник. Тот, кто имел доход менее 2 фунтов, служил с оружием, которое мог достать. Во второй половине XIV в., в условиях длительной Столетней войны, к военной службе стали все больше привлекаться и зависимые крестьяне – вилланы.

²³ В 1159 г. введена щитовая подать «скутагий» взамен военной службы вассалов.

²⁴ См.: Валлийские войны Эдуарда I. С. 41, 45.

шая и самая важная ее часть не стала состоять из контрактных военных. Учитывая это новшество, А.-Э. Принс пишет: «В истории средневековой английской армии нет знаменательнее события, чем установление контрактной системы набора солдат»²⁵.

При этой системе командующий заключал контракт с королем, чтобы сформировать определенный отряд для военной службы. В контракте указывались точный размер и состав войска; размер оплаты; место сбора; территория, где проходит служба; обязательства и привилегии («ригадз»), на которые имеют право военнотружущие. В таком отряде обычно имелись все рода войск: тяжелая кавалерия, конные и пешие лучники, конные копьеносцы, пешие копьеносцы и даже минеры, оружейники, военные врачи, священники и переводчики. (Система эта, без сомнения, снова взята в оборот в XVIII веке, когда полковник заключал контракт с королем, обязуясь сформировать полк для службы его величеству.) Сроки службы различные; традиционно служили сорок дней, но случалось, что этот срок продлевался до года. В исключительных случаях и этот срок продлевался. Например, срок службы в армии, с которой Черный принц вошел в Гасконь в 1355 году, зависел от «воли короля» – не так уж плохо, учитывая, что солдаты имели мало возможностей вернуться домой из такой дали к заранее установленной дате. Контрактная система имела и другие преимущества: из профессиональных войск удобно формировать гарнизоны для королевских замков; кроме того, благодаря такой вербовке легко заполучить любое число иностранных наемников.

Войска формировались обычно капитанами; право на это им за определенную долю отдавали полковники, таким образом, получалось, что младшие по званию офицеры становились субарендаторами. Результат этой системы – появление профессиональной армии. О происшедших изменениях наиболее ярко отозвался Карл Стивенсон: «Английская армия... определенно перестала быть феодальной. Скорее всего, это уже наемная армия, – и знатный всадник, и йомен-лучник покорно служат за королевское жалованье».

ОПОЛЧЕНИЕ

Национальное ополчение формировалось следующим образом. Королю необходимо мобилизовать население; он подписывает указания для шерифов округов: необходима такая-то квота по набору ополчения. После этого распределение квот – графы делят их между своими округами и большими городами. Самим набором в ополчение руководят специальные уполномоченные, назначаемые в соответствии с королевской грамотой, – обычно один человек на графство. Они рассылались с инструкциями набирать «самых сильных и самых энергичных мужчин». С того дня, как набранные солдаты отправлялись в поход, им начинали платить жалованье²⁶. С каждым годом росло число контрактников, уменьшалось – солдат, завербованных против их желания. Проф. А.-Э. Принс прав: «Войско, сформированное по контрактной системе, вытеснило то, что образовано путем феодального рекрутского набора, и стало основой армий периода Столетней войны»²⁷.

²⁵ См.: Моррис В.-А. (ред.), Виллар Д.-Ф. Работа английского правительства в 1327 – 1336 гг. 1940. С. 352. Далее: Моррис В.-А., Виллар Д.-Ф.

²⁶ До правления Эдуарда III ополченцам первые сорок дней службы жалованья не платили.

²⁷ Еще несколько слов об ополчении. Уже в 1320-х гг. парламент высказался против набора его для службы за пределами Англии. Сопротивление англичан проявлялось в массовом дезертирстве из набранного войска еще до начала военных действий. Статут 1344 г. утвердил, что латники, хобилары и лучники получают, отправляясь за пределы родины. Набор войск за местный счет или на средства графств запрещен в 1348 г. Первые наборы ополчений (1338) и лучников (1339) в графствах для службы во Франции не предусматривали выплаты жалованья до места погрузки на суда (кроме валлийцев). В 1340 г. ополчениям для Франции в одном случае обещали жалованье после высадки, но в другом – с момента отплытия. В 1345 г. лондонские лучники и чеширские ополченцы, вооруженные и оплаченные городом или графством, шли в Сандвич за счет короля. Эдуард III впоследствии разрешил практику заместителей (находить воина, но не служить самому). Это касалось прежде всего больных, старых и признанных негодными и, несомненно, больше отвечало условиям войн на континенте. В апреле 1338 г. клирикам предстояло найти латников, хобиларов и лучников (в соответствии с расценкой их земель) для защиты острова

ОРГАНИЗАЦИЯ И ВООРУЖЕНИЕ

Каждый представитель знати²⁸, начиная с короля, имел при себе военную свиту. Эта свита делилась на две категории: тяжеловооруженные всадники (иногда просто называемые кавалерией, хотя в правление Эдуарда III они почти неизменно сражались спешившись) и конные лучники. В королевской армии существовала своя иерархия: наибольшими правами обладали графы (к ним причисляем и принца Уэльского и герцога Ланкастерского); затем следовали баннереты; третью группу составляли рыцари-бакалавры (названные так, чтобы отличить их от рыцарей-баннеретов). Именоваться баннеретом не означало степени знатности – термин использовался лишь в качестве военного и указывал, что офицер имеет право нести свое знамя (прямоугольное)²⁹; рыцарей-бакалавров также причисляли к этому классу. Бакалавр нес, в отличие от баннерета, небольшой флажок (треугольный). Рядовые тяжеловооруженные всадники – это оруженосцы: в большинстве случаев младшие сыновья знатных людей или претенденты на рыцарское звание.

Но тяжеловооруженными всадниками называли не только офицеров. Поэтому рыцарь всегда тяжеловооруженный всадник, но тяжеловооруженный всадник не обязательно рыцарь. Как упоминалось выше, в армии служили еще и конные лучники. Надо отдать должное королю Эдуарду – это он создал такой корпус. До его правления существовало только два вида кавалерийских частей: тяжеловооруженные всадники и хобилары, или конная пехота. Технически различие между конными копийщиками и тяжеловооруженной кавалерией в том, что лошади первых ничем не защищены, а лошади тяжелой кавалерии «покрыты» – на них надевали кольчугу либо кожаное покрывало. Обычно легкая кавалерия вооружена копьями; они оказались очень полезными в горах Шотландии, при преследовании подвижных жителей – тяжелая кавалерия их не достигала. Дж.Э. Моррис заявляет, что конные лучники впервые появились в 1337 году³⁰. А.-Э. Принс, однако, показал, что эту дату можно отодвинуть на три года.

Число конных лучников увеличивалось, легкой кавалерии – уменьшалось; к концу Столетней войны этот род войск уже не играл существенной роли; та же участь постигла и пеших лучников.

Соотношение числа конных лучников и тяжеловооруженной кавалерии постоянно менялось. Номинально одного баннерета сопровождает один лучник и один тяжеловооруженный всадник, но, естественно, это условие не всегда соответствовало действительности. Даже в последней королевской кампании, 1359 года, – после двадцати одного года войны все в армии устоялось, – нельзя установить точную пропорцию этих родов войск. Некоторым аспектам этого вопроса в дальнейшем мы еще уделим внимание. Так, отряд принца Уэльского состоял из 7 баннеретов, получавших 4 шиллинга в день; 136 рыцарей – 2; 143 оруженосцев – 1; 900 конных лучников с жалованьем 6 пенсов в день. Отряд Ланкастера состоял из 6 баннеретов, 90 рыцарей, 486 тяжеловооруженных всадников и 423 лучников³¹. Эти цифры показывают размер оплаты труда военных в то время, – оплата уже стандартизирована, а соотношения числа лучников и тяжеловооруженных всадников стандартизация не затронула. Из этих цифр видно также, что баннереты свиты принца руководили в среднем 210 солдатами, а свиты Ланкастера –

Уайт. Таким образом, к осаде Кале в 1346 г. численность ополчения, воевавшего во Франции, дошла до более 20 тысяч. После смерти Эдуарда III ополчения городов и графств окончательно вернулись к своей вспомогательной, локальной роли. При Ланкастерах городские ополчения использовались преимущественно для обороны страны.

²⁸ Как и некоторые рыцари; например, свита Джона Чандоса в 1359 г. состояла из 7 рыцарей, 54 оруженосцев и 34 лучников.

²⁹ См.: Моррис В.-А. С. 337.

³⁰ См.: Королевское историческое о-во. Вып. 3, 4, 7. С. 94.

³¹ См.: *Таун Т.-Ф.* Главы из административной истории. Т. 4. С. 144, примеч. 3, с изм., внес. А.-Э. Принсом (см.: *Принс А.-Э.* Контрактная система. С. 308, примеч. 2.

лишь 130. Не указано число валлийских рекрутов – оно неизвестно. По званию и предназначению баннерета можно сравнить с командиром батальона в современной армии. Надо отметить также, что баннереты составляли главный военный штаб и входили в личную свиту короля; из этих баннеретов состоял и штаб армии.

Каждый рыцарь обладал тремя или четырьмя лошадьми, из них две боевые; имел одного-двух пажей, которые чистили и полировали его доспехи, помогали снимать их и подсаживали на коня³². Паж, кроме того, ухаживал за лошадьми своего господина, исполнял обязанности грума.

ПЕХОТА

До настоящего времени мы имели дело с кавалерией; перейдем теперь к другому роду войск. В эпоху Средневековья появились конные лучники, которых можно считать, таким образом, конной пехотой (как и хобиларов), но пехотинцами мы именуем только лучников и пеших копьеносцев. Состояли они преимущественно из «солдат, завербованных Военной комиссией» – способом, описанным выше (см. работы проф. А.-Э. Принса). Остальную часть пехоты составляли иностранные наемники: ирландцы, гасконцы и другие (хотя вероятно, что многие гасконцы были добровольцами и к ним не следует применять термин «наемник»).

Пешие лучники, за исключением того, что получали меньше жалованья (2 пенса в сутки), почти ничем во время сражения не отличались от своих конных собратьев по оружию, и лишь отсутствие доспехов (за исключением стального шлема) говорило об их неравноправном положении по сравнению с конными лучниками.

Пешие копьеносцы набирались в основном из валлийцев. Большой лук изобретен в Уэльсе, но очень скоро этим оружием стали пользоваться чеширские стрелки, а затем и лучники других округов. Фактически все лучники в армии Эдуарда – англичане.

Размер жалованья в армии время от времени менялся, но жалованье пеших лучников оставалось неизменным – 2 пенса в сутки, – точно так же, как в более поздние века оплата пехотинцев – 1 шиллинг. Пока феодализм находился в зените, графы считали оскорбительным для себя принимать от короля любую плату за службу, но к началу Столетней войны уже не только графы, но даже принц Уэльский согласились получать жалованье³³.

Солдат, регулярно получающий плату за службу, естественно, более дисциплинирован, чем тот, кто эту плату не получает. Этот фактор сыграл важную роль в сплочении английской армии.

ТАКТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Хроники и документы одинаково скудны на информацию о том, как организовывалось войско во время военных действий: что являлось тактической единицей; как она разворачивалась; как строились войска во время марша; маршировали ли солдаты; какие офицеры запаса (как назвали бы мы их теперь) состояли при армии; какова система пикетов и аванпостов. На эти и подобные вопросы мы не ответим с уверенностью по нескольким причинам. Хроникеры, в основном монахи, в своих отдаленных монастырях лишены непосредственного видения войны, основывали свои рассказы на воспоминаниях старых солдат³⁴. Поэтому их записи об армии, мягко говоря, неточны и информация о составе и организации армии, так нас интересующая, крайне скудна. Однако из этих хроник мы знаем, что из тяжеловооруженных всадников

³² Сцена в фильме «Генрих V», где рыцаря подсаживают на коня с помощью каких-то приспособлений, вряд ли достоверна.

³³ Жалованье принца Уэльского равнялось 1 фунту в сутки.

³⁴ Фруассар и Лебедь, которые служили под командованием Эдуарда во время Шотландской кампании, – исключение.

формировались отряды «констеблей» и солдаты формировали отряды в 1000, 100 и 20 человек, которые можно сравнить с батальонами, ротами и взводами современных армий. На этом сведения в хрониках об организации армии исчерпываются. Без сомнения, и организация, и подготовка армии при каждом новом командующем изменялись. Сильный человек, стоящий во главе небольшого отряда, такой, например, как сэр Томас Дагуорт в Бретани, превращал свой отряд в спаянное, хорошо организованное войско.

СНАРЯЖЕНИЕ

Лучшее свидетельство об оружии и доспехах того времени – это, на наш взгляд, изображения рыцарей, которые мы видим в церквях по всей нашей стране. Возможно, самый яркий образ рыцаря в доспехах в период правления Эдуарда III – Черный принц в Кентерберийском соборе. То время в истории доспехов переходное: эпоха кольчуги заканчивалась, на смену ей приходили латы. Доспехи принца, изображенного в соборе, состоят из лат, за исключением латного воротника, вместо него надета шейная кольчуга; но обычные рыцари все еще продолжали носить кольчугу, а среди оруженосцев лат почти никто не имел. Поверх нагрудника или кольчуги носили широкий плащ, украшенный рыцарским гербом. Помимо эстетической стороны, тут и практические преимущества: например, в случае внезапного нападения или засады рыцарь быстро надевал плащ, что означало немедленный сбор его людей – они автоматически собирались вокруг своего господина.

Интересно также, что, поскольку прочность доспехов увеличилась, потребность в дополнительной защите уменьшилась, следовательно, уменьшался размер щита, пока в конечном счете он совсем не исчез. С другой стороны, до отмены шпор еще далеко и они, в отличие от щита, не только не уменьшались, но с введением колесика для шпор, напротив, увеличились. Лучники, как пешие, так и конные, носили стальной шлем и нагрудник или кольчугу; копьеносцы – то же, что лучники, за исключением нагрудника.

В то время только появлялись нормы, касавшиеся военного обмундирования. Например, валлийским новобранцам, сформированным для ведения войны в Бретани, приказали иметь одинаковую униформу. Другим местным властям предписывалось одевать завербованных солдат в одну одежду.

ОРУЖИЕ И ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ

Тяжеловооруженные всадники несли мечи, копья и кинжалы. Копье – наследие конных атак; оно служило *превосходным оружием*. Использовалось и пехотой, но мы не имеем сведений, применялось ли ею в больших сражениях Столетней войны. Меч – основное оружие рыцарей армии Эдуарда: копье громоздко, его нельзя применять в схватке, даже место меча часто занимал кинжал. Рыцари почти на всех изображениях вооружены кинжалами. Когда начиналась битва, рыцари спешили и отдавали своих лошадей оруженосцам; те отводили их в тыл, где находился обоз³⁵, – им предстояло охранять его, пока длится сражение. Тем временем тяжеловооруженные всадники выстраивались в линию двумя маршалами; после этого, если враг еще стоял неподвижно, разрешалось выйти из строя и начать атаку. Обычно каждая дивизия³⁶ армии (всего их три) располагалась в линию, защищенную по флангам лучниками. В редких случаях, когда начиналось преследование противника, оруженосцам разрешалось, после того как они помогали своим рыцарям сесть на коня, сопровождать их в бою. Как и тяжеловооруженные всадники, лучники в начале битвы спешили. Мы видели, что происходило,

³⁵ Точно так же конюхи с началом сражения уводили лошадей, перевозивших артиллерию, в более поздние времена.

³⁶ Существует много латинских и старофранцузских слов, означающих это формирование; переводим как «дивизия».

когда начиналась битва, с лошадьми тяжеловооруженных всадников; точных сведений о судьбе коней лучников нет, – возможно, кто-то из лучников уводил их в тыл. Лучники формировались в «herces», или выпуклые клинья, которые в узкой части разделялись тяжеловооруженными всадниками, а в широкой, наоборот, соединялись. Результатом такого построения стало то, что между частями войска создавался непроходимый барьер, все фланги также защищал огонь лучников. В графическом построении оно выглядит так:

Очевидное преимущество такого построения – фронт тяжеловооруженных всадников защищен лучниками. У каждого лучника по два колчана, в каждом колчане по 24 стрелы. Поставка дополнительных стрел осложнялась по многим причинам; если у лучников заканчивались боеприпасы, им оставалось три перспективы: ждать прибытия стрел; подбирать стрелы, выпущенные противником; принять участие в сражении со своим мечом. Битва при Пуатье хорошо иллюстрирует те эпизоды, когда лучники следовали второму примеру; при Азенкуре – третьему. Не так обремененные доспехами, как тяжеловооруженные всадники, лучники более ловки и потому успешнее действовали в рукопашном бою. К тому же это люди очень сильные – ведь им приходилось справляться с большим луком.

Какую-то часть легкой кавалерии, не участвовавшей непосредственно в сражении, Эдуард использовал, назначая из нее курьеров, разведчиков и ординарцев, а также как необходимый резерв. Большая часть резерва составлялась из копьеносцев; задача их довольно бесславная – «очищать» после сражения поле битвы, – валлийцы нашли для этого очень удобными свои длинные ножи. В битве при Креси некоторые не выдержали, вышли из строя и приняли участие в сражении.

ПОСТАВКИ И ТРАНСПОРТ

К сожалению, мы располагаем крайне незначительными сведениями о поставках и транспорте при всей их важности. Проф. А.-Э. Принс (в написанной им замечательной по-своему главе об армии и флоте под заголовком «Механизм снабжения») в книге «Английское военное правительство» ограничивается лаконичным замечанием, что армия жила главным образом (исключая начало кампании) за счет страны, в которой воевала; затем он описывает правительственные меры по заготовке припасов для снабжения армии, находящейся за границей. Эти административные меры интересны нам, но не слишком, поскольку ничуть не объясняют, как происходили военные действия, а они прежде всего важны для нашего исследования. Ограничимся поэтому выводом, что лицо, официально ответственное за сбор и поставку продовольствия, известно нам как получатель и хранитель королевских запасов.

Что касается оружия и боеприпасов, они хранились в лондонском Тауэре, главном арсенале страны, где содержалась, как мы знаем, и вся существовавшая в то время в стране артиллерия. Все это находилось под присмотром секретаря тайного гардероба. Именно из записей этого должностного лица почерпнем мы почти всю имеющуюся информацию о раннем периоде истории артиллерии в Англии.

* * *

О методах транспортировки во время боевых действий Принс, к сожалению, ничего не сообщает. Да и мало кто может тут помочь. А знать мы хотели бы, например, тип телег и повозок³⁷; соотношение припасов в ранцах и на транспорте; количество и характер пересекаемых дорог; скорость, с которой передвигался транспорт, и состояние его.

Какой-то свет на все это проливает случай, происшедший во время кампании в Пуатье. Английские военные отряды, отходя, на одном участке оставили дорогу и решили продвигаться в глубь страны, чтобы сократить путь, а телеги отправили дальше по дороге: ясный признак, что в Пуатье, во всяком случае, транспортные средства передвигались по дорогам. Не приходится сомневаться, что так же поступали и в других кампаниях.

Привязанные к дорогам обозы, кроме того, оказывались скованными в зимний период, когда дороги непроходимы, – движение транспорта останавливалось. Особенно это характерно для кампании 1359 года, которая началась в ноябре и продолжалась без перерыва до следующего апреля. Эта кампания дает нам некоторые интересные факты о составе обоза – данные о том, что перевозилось на транспорте: полевые кузницы, подковы, ручные мельницы, рыбацкие лодки, собаки (60 пар) и т. п.; огромный обоз состоял, по разным данным, из телег числом от 1 тысячи до 6 тысяч.

Но кампания 1359 года – исключение; в предыдущих король никогда не покидал родной страны, и длительность их всегда была ограниченной. А по ходу этой, довольно продолжительной, армия углубилась в сердце Франции. Однако, если сравнивать длительность пребывания на территории чужой страны армии Эдуарда III и других армий, окажется, что она не так уж велика, – например, в Пиренейской войне 1804 – 1814 годов французская армия намного дольше присутствовала за пределами своей страны. Удивительно в этой кампании еще и то, что она не прекратилась и с наступлением зимы (это характерно для более поздних времен); однако самое необычное для того времени – это поставки и транспортные меры. Только однажды армия Эдуарда III нуждалась в продовольствии – в кампании при осаде Кале. А во время первой своей кампании, во Фландрии, король предложил делить с союзниками хлеб, который вез в обозе для собственных войск; хлеб всегда основной вид продовольствия, когда идут боевые действия. Всем известны хлебные телеги Малборо³⁸, – хлебные повозки Эдуарда III имеют право стать такими же знаменитыми.

Надо сказать также, что продовольствие поставлялось в основном с той территории, на которой находилась армия, но обычно такого плохого качества и в столь малом количестве, что король сразу предпринял шаги, чтобы полностью исключить эту зависимость. Подведем итог: результат различных мер и усилий Эдуарда III (указаны выше) – английская армия, пока длилась война во Франции, стала наиболее мощной и профессионально подготовленной армией того времени; неудивительно, что все французские короли не очень-то рвались сразиться со своим английским противником.

³⁷ Для кампании 1359 г. король приказал построить повозки специальных типов.

³⁸ Они все еще существуют и используются австрийцами под названием «малбрукс».

Глава 2

КАМПАНИИ 1339-ГО И 1340 ГОДОВ

Король Эдуард остановился у Вилворда, в 6 милях к северу от Брюсселя, ожидая подхода всех остальных сил, но настал июль, а союзники так и не появились. Проходила неделя за неделей, а ситуация все не менялась; в войсках началось брожение, и лишь король сохранял спокойствие, постоянно отправляя союзникам послания с призывами и упреками. Только в сентябре, когда Вилворда достиг курфюрст Бранденбургский, сын императора, начались боевые действия.

Точно не установить, сколько англичан привел с собой Эдуард, но, несомненно, не менее 4 тысяч. Союзники, а количество их постоянно менялось, всегда по численности превосходили англичан, – общая масса союзников никогда не достигала 20 тысяч (для тех времен огромная цифра). Король Англии в соответствии с рыцарским этикетом отправил вызов «на поединок» Филиппу VI в Париж, доставил его епископ Линкольнский.

В ответ французский король собрал армию еще более внушительную по размерам, чем английская, и приказал ей собраться у Сен-Кантена, в 25 милях южнее Камбре. Там к нему присоединились еще три монарха: слепой король Богемии, короли Наварры и Шотландии.

Самая короткая дорога для союзников лежала через Монс и Валансьен. Сэр Уолтер Мэнни возглавлял авангард, который первый раз столкнулся с противником у городка Монтань, в 10 милях севернее Камбре. Город он атаковал успешно, но замок ему захватить не удалось. Отойдя, напал на Тюн, несколькими милями южнее; фортуна всецело на его стороне: на этот раз уже не только город, но и замок сдался победителю. В этом сражении отличился и молодой оруженосец Джон Чандос; еще во многих сражениях двум храбрым мужчинам придется сражаться вместе. Сэр Уолтер Мэнни – «главный слуга» короля, как лорд Кадоган для герцога Малборо (хотя не стоит слишком доверять некоторым замечаниям об этом человеке Фруассара, поскольку оба – выходцы из Геннегау). Английская армия, продвигаясь в глубь страны, исправно платила за постой, но немцы оказались «неисправными плательщиками».

Камбре английские войска достигли 20 сентября, сразу потребовав от него сдаться. Храбрый епископ, управлявший городом, ответил на британское требование отказом – осада города стала неизбежной. Не дожидаясь «артобстрела», Эдуард решил начать штурм. Одновременно англичане и их союзники ринулись на штурм трех городских ворот, но в отчаянной атаке союзники так и не сломали сопротивление осажденных. Фруассар утверждал в первом издании своих хроник (единственном, переведенном на английский), что защитники имели какую-то артиллерию, но не сообщил подробностей, а в амьенском и римском изданиях об этом вообще ничего не сказано. Со своей стороны считаю, что артиллерия вряд ли присутствовала в Камбре.

Неудачная осада изменила планы Эдуарда: он решил больше не тратить впустую силы, занимаясь длительной осадой, и приказал своей армии продвигаться в глубь Франции, разоряя по пути владения противника. Остановимся на минутку в описании дальнейших действий английского короля, чтобы проиллюстрировать один любопытный инцидент, который покажет нам, с какими трудностями приходилось сталкиваться Эдуарду. Граф Уильям Геннегауский, брат королевы Филиппы и, стало быть, шурина Эдуарда, выступив в поход, торжественно заявил, что не может войти во Францию, поскольку это означает объявление войны его дяде – королю Франции. Удивительно, что ему разрешили не участвовать во вторжении и даже не обвинили в предательстве; но еще более – тремя днями спустя он предложил свои услуги другому королю. Такого лицемерия не ожидал даже Филипп и в гневе прогнал предателя. Герцог Брабантский, крайне осторожный, появился позднее, дезертирство графа Геннегау не сильно повлияло на состав союзных сил.

В соответствии с новым планом армия 26 сентября прекратила осаду Камбре и в тот же самый день вошла на территорию Франции 7 милями юго-западнее Маркуэна (город играл заметную роль во время сражения при Камбре, 1917 г.). Продвинувшись на 10 миль в глубь страны, король установил свою главную квартиру в аббатстве Святого Мартина, у Ле-Като. Здесь он пребывал две недели, пока его армия разоряла и сжигала окрестности, в надежде, что французскому королю придется прийти на защиту своих подданных и своей собственности.

А где находился тем временем Филипп VI? Когда союзники подошли к Камбре, он располагался в своем замке в Компьени. Неприятель приближался, и он решил вернуться в Перонн через Нуайон и Нель. Проходя через последний, видел, как на востоке пылают деревни – работа экспедиции во главе с графами Солсбери и Дерби. Продвигаясь в глубь Франции через долину Уазы, подошли почти к воротам Лана, сжигая все на своем пути, в том числе и Мо, где в 1914 году блестяще проявила себя отступающая из-под Монса кавалерия. Другие английские отряды поджигали деревни, лежащие на западе, вплоть до Сен-Кантена и в пределах видимости Перонна³⁹.

Конечно, нам трудно понять, какой военной цели можно достигнуть этими мерами, но очевидно следующее: во-первых, в то время не только грабеж, но и поджог враждебной территории – дело обычное; во-вторых, Эдуард к этому сроку считал, что знает противника; цель его – сразиться с конкурентом, пока его огромная армия, на чье содержание он тратил так много своих сил, времени и денег, находится на нужном ему военном уровне. Филипп, как он знал, не склонен воевать, но страдания его подданных вынудят его принять сражение. Но Эдуард ошибся в оценке противника: Филипп, достигнув Перонна, где сосредоточилась его главная армия, вместо того чтобы немедленно вступить в схватку с неприятелем, спокойно ожидал подхода своих отставших частей и наступления англичан. Таким образом, перед нами открывается занимательная картина: два соперничающих короля на расстоянии 12 миль друг от друга ожидают атаки со стороны противника.

После двухнедельной стоянки в аббатстве Святого Мартина Эдуард, побуждаемый бездействием Филиппа, решает изменить стратегию: переходит в провинцию Тьераш (современный департамент Эна), рассчитывая, что таким образом вынудит противника сняться с места и последовать за ним. Внезапная остановка приведет в таком случае к столь желанной для него битве. Такой маневр имел еще дополнительное преимущество: союзники двигались параллельно и у границы между Францией и Геннегау, так что могли при необходимости свободно ее пересечь.

В соответствии с этим планом английская армия 16 октября повернула на восток. Отойдя на несколько миль и оставив Сен-Кантен правее, английские войска перешли Уазу возле Мон-Ориньи. Здесь английского короля ожидал сюрприз: союзники, и так не отличавшиеся усердием, объявили ему, что должны вернуться домой! Армия, заявили они, уже достаточно сделала для него; сезон давно кончился, а их запасы почти истощены, и потому им пора уйти на зимние квартиры.

³⁹ В 1794 г. австрийские захватчики вопреки уговорам герцога Йоркского сожгли эти деревни. Знаменитая линия Гинденбурга в 1917 г. как раз проходила через центр этой разоренной области.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.